

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ФОНД
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ТГУ

НА ПУТИ К НОВОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

ВЫПУСК IV

**Методология дополнителъности: синтез рациональных
и внерациональных методов и приемов исследования**

Сборник статей по материалам 4-й сессии постоянно
действующего всероссийского семинара

“Методология науки” 16-17 мая 2000 г.

Издательство Томского университета

2000

могущество, агентивность, творческий контроль, но обретая взамен свою конечность в смысле уникальности и неповторимости. Поскольку языковой договор лишь контекстуализирует (не порождает, конституирует) то, что является уникальным и неповторимым, фиксирует то, без чего божественное не могло бы существовать, то он вовсе не может рассматриваться как нечто более фундаментальное по отношению к Божественному. Через взаимодополнительность открытых возможностей языкового соглашения, будучи преломленным через свои скрытые следы, Божество восстанавливается в качестве целого, но в качестве целого, которое будет лишь нулевым означаемым. Ж. Деррида очень близок мысли Ж. Бодрийара о том, что имя Бога в анаграмме не есть позитивное означаемое, не есть означаемое вообще. Имя Бога возникает в анаграммической звукозаписи в своем исчезновении и истреблении. В существе религиозно-ритуальной поэзии - не прославление Бога (означаемого), а его жертвенное уничтожение и рассеивание. Тем не менее, оставляя место означаемого абсолютно пустым, поэзия воссоздает его имя в отблесках своего фонетического материала. Даже у самого бескомпромиссного по отношению к западным традиционным ценностям философа постмодерна вместе с поэзией, противостоящей для него экономике богатства, расточительству и утопиям изобилия, божественное начало любовно сохраняется (пускай даже в жертвенной поэтической консуммации !).

Возможно, именно поэтому "... постмодернизм вступает в новое отношение к Божественному, которое больше не может быть выражено в традиционных формах греческого, христианского, другого мышления, но которое являет собой условие для мышления архитектурного. Но если так мышление может существовать вообще, то лишь благодаря опосредованию через высшее измерение, через Всевышнего. А это и есть Бог" [1. 46].

Литература

1. Деррида Ж. Архитектура и философия // Родник. № 1. 1992.
2. Derrida J. Des tours de Babel // Difference in Translation. Cornell Univ.Press. 1985.
3. Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.

О.Г. Мазаева (Томск)

Философия. Об этимологическом основании превратностей ее судьбы

*Названия имеют судьбу, но
редкое из них имело судьбу столь
странную, как слово "философия".*

В. Виздельбанд

Культурное явление - философия - не менее именованная и в определенной зависимости от него подвержено превратностям судьбы. Судьбой же философии в разные времена было ее самоопределение в сопряжении с другими формами интеллектуальной активности. Здесь обнаруживаются отношения разноречивого, взаимоисключающего, са-

моутвердительно, самоупражняющего и дополнительного толка, характерные как для "внутренней жизни" философии, так и для ее связи с иным. Внимание к этимологии (не только лингвистического, но и историко-культурного масштаба) дает возможность выявить богатство смысловых оттенков, показать, что забвение или игнорирование этого богатства переводит философию как драму (во всем размахе ее жанровых особенностей) в трагедию. Обратимся к истокам.

Термин "философия" возводят или к Пифагору, или к Гераклиту, или к Геродоту. Определение и раскрытие смысла понятия "философия" относят к Платону. В своих диалогах, например в "Пире", он воплотил образ философа и в мифологической (Эрос), и в исторической (Сократ) формах. Осознание философа как особой фигуры в обществе, а философии как особого образа жизни и дискурса (размышления посредством устной или письменной речи), определяемых идей подлинной, абсолютной мудрости, относится именно к Платону [1. 55-57]. И только после этого устоявшийся смысл понятий философ и философия переносится на предшествующие времена. Так, Аристотель выделил среди первых мудрецов - философов - Фалеса Милетского как натурфилософа, с одной стороны, и его современника Ферекида Сиросского как богословствующего философа - с другой [2. 124-125]. Цицерон, Диоген Лаэртский, Ямвлих проецируют понятие "философия" на времена Пифагора, Гераклита или Геродота. Таковы точки отсчета начала философии.

Остановимся на характеристике составных частей термина.

Филия - любовь. Для обозначения любви в греческом языке существуют разные понятия, и одно понятие может иметь ряд смыслов: *агапе* - любовь-жалость, жертвенность; *сторге* - привязанность, привычка; *харис* - бескорыстный дар (эта тема появилась позднее и развивалась Филоном Александрийским (25 г. до н.э. - 50 г. н.э.), осуществившим первую попытку слияния греческой и иудейской философии).

Эрос - разработка и систематизация разнообразных характеристик этого понятия дана Платоном в диалогах "Пир", "Федр" и др. Среди ряда значений для философа важно понимание Эроса как воодушевляющей устремленности к сверхчувственному, божественному, абсолютному. В этом же ключе Платон рассматривал *энтузиазм* - одержимость божеством; *пафос* - страсть, обуревающую истинно философскую душу; *экстаз* - выходение души из тела, временное священное безумие, состояние устремленности к божественному, непосредственное общение с Божеством [3. 360-387]. Эта экстатическая, мистическая природа познания дальнейшую разработку получает у неоплатоников.

Филия - многообразное понятие в интересующем нас смысле, близкое к вышеназванному толкованию Эроса. Этимологически филия более спокойного свойства, выражает дружбу, влюбчивость, расположенность, склонность, интерес. В понятии *филия* фиксируется господствующая *интенция*, то есть направленность, стремление, целевая и целеполагающая значимость занятий, проникнутых высокой любовью к *подлинной мудрости*.

София - мудрость. Понятие, богатое в смысловом отношении, употреблялось в разных контекстах, выделим три: многоопытность мудрецов, неподлинная мудрость софистов. божественная мудрость.

1. В VII-VI вв. до нашей эры ряд выдающихся мыслителей и государственных деятелей почитались у эллинов как *мудрецы*. Фридрих Ницше считал санкцию семи мудрецов

ясной и незабвенной линией эллинского естества, у других народов - святые, у греков - мудрецы [4. 196]. В перечнях семи мудрецов по разным спискам около двадцати имен. Среди них - Солон, Биант, Фалес, Ферекид - последних двух чтят не только как мудрецов, но и причисляют к философам, их время - время становления философии.

Мудрец многоопытен: владеет словом, умеет обращаться с людьми, имеет знания, научные и технические. Мудрость эта, будучи практического свойства, тем не менее связана с совершенствованием способности суждения, а у Фалеса и Ферекида теоретический умозрительный интерес даже превышает практический, потому они и философы, хотя и разных ориентаций (Фалес - натурфилософ, Ферекид - богословствующий философ). Диалог Фалеса и Ферекида нацелен на уяснение последних оснований истины, абсолюта; они вполне обнаруживают умение выйти за пределы чувственно-воспринимаемого, склонность к умозрительному поиску первооснов мироздания.

2. В V-IV вв. до нашей эры появились платные учителя мудрости - софисты. Они представители скорее риторической, а не философской культуры [5. 125]. Фигуры софиста и философа при всех разногласиях были взаимодополняющими в те времена, иногда совмещались в одном лице.

Философы - искатели объективного (общезначимого и общеобязательного) знания, истины, абсолюта. Они рассматривали риторику как умение самозащиты, отмечали другие ее достоинства, но были далеки от высокой оценки риторики и эристики, усматривали в последних средство власти над другими людьми.

Софисты признавали относительную важность философии, считали, что философствовать надо в меру, главное же - достичь выгоду в делах и успех в политике. В философии ими сделано немало позитивного. Это и развитие новых для того времени проблем, ныне входящих в философию культуры и философскую антропологию, разработка важных для философии логических, риторических, эристических, грамматических тем.

Сократ, Платон и их последователи (именно они составляли философское противостояние софистам) сочли мудрость софистов неподлинной. Осудили свойственные последним сенсуализм, гносеологический и этический релятивизм, основанный на них скептицизм в отношении признания существования и возможности познания богов. Слово "софистика" приобрело одиозный привкус уже в античности [5. 115], а в нарицании "софист" слышится снижение значения, свойственного слову "мудрец" (софос). Софист часто комичен, осмеян.

3. Подлинная мудрость - достояние Бога. Нельзя быть более или менее мудрым. София - мудрость есть полнота и определенность истины, знания. Она приобретает значение идеала, трансцендентной нормы и выступает как знание сверхчувственное, божественное, абсолютное. Абсолютное - это ни в чем не нуждающееся, безусловное, совершенное, самодостаточное, то есть имеющее основу в себе самом.

Рассмотрев три смысловых контекста понятия мудрость, заметим, что античная философия ориентирована на идеал абсолютной мудрости как ценности, не имеющей градаций. Не-мудрость, в отличие от абсолютной мудрости, имеет свои различия: несознающие ее - невежды, сознающие (Сократ: "Я знаю, что ничего не знаю") - философы [1. 60-61].

Учитывая вышесказанное, выделим пять видов отношения к мудрости и соответственно ряд значимых фигур в интересующем нас смысле:

1. Божественная - абсолютная мудрость, отношение к ней как к идеалу, трансцендентной норме, высшей ценности (Божественное, Божество).

2. Мудрость - мудреца, практически ориентированная мудрость, служащая достижению общей цели, блага полиса (мудрец).

3. Мудрость - софиста, практическая мудрость, как техника дискурса, направленная на достижение субъективных целей, личной выгоды (софист).

4. Полное отсутствие мудрости, безразличие к ней (невежда).

5. Сознующий свою не-мудрость, умозрительно, теоретически ищущий абсолютной, божественной мудрости, основывающийся на стремлении к ней свой образ жизни (философ).

Мудрец, невежда, софист, философ обнаруживают разные степени и модусы умозрительной, интеллектуальной, практической активности; нередко встречаются взаимопереплетения этих чистых типологических персонафикаций, причем только "Божественное" и "Невежда" лишены философского начала, остальным фигурам ("Мудрецу", "Софисту", "Философу") в разной степени оно присуще. Отсюда несамодостаточность тех, кому свойственно философствовать, их особый статус в интеллектуально-духовном мире.

Своеобразная срединная позиция между абсолютном и невеждой превращает философствующего в ироника или трагического героя. Ироничность и трагичность существуют и как внутренняя самоопределенность, и как восприятие философствующего другими. Именно в "чистоте своей срединности" философ более уязвим, и так легко иронизировать над ним Аристофану в "Облаках" (не путал он Сократа с софистами в своей философской беспечности, так было точнее), Платону в своих диалогах. Прав Пьер Адо, замечая, что ироническую окраску философу придает то, что он знает о своей не-мудрости (подлинной, полной) и не находит места ни среди невежд, ни среди все знающих и все ведающих мудрецов, которых, по сути, среди смертных нет. Философ неприкаян и бесприютен, как Эрос, как Сократ. Двойственность вызывает ироничность окружающих и самоиронию. Трагичность же его связана с неодолимым желанием достичь недостижимого - мудрости. Таковы превратности судьбы философа или философствующего в исходных смыслоопределяющих данностях.

В ином обнаруживаются превратности судьбы самой философии, нежели ее героев: философов и философствующих. Для прояснения этого обратимся вновь к этимологическим изысканиям и резюмируем их следующим образом.

Для осмысления темы *Софии* в философии особенно важными являются многозначные понятия - *логос* и *рацио*. Уже в пределах античности в латинском "*рацио*" идет угасание, выхолащивание и забвение некоторых смыслов греческого - "*логоса*". *Рацио* тяготеет к схеме, к определению и определению понятий. Гипертрофия начинаний Сократа, его метода, позднее найдут воплощение и завершение в оформлении логики, математики, опирающемся на них естествознании. *Логос*, тяготеющий к духовной неисчерпаемости, к символу, противостоит мифу со стороны входящих в него рационалистических моментов, но *Логос* - как слово и мысль Божественного, сотворяющего мир, - это дух, далеко не подвластный жесткости *рацио*.

Понятийная разработка абсолюта, сверхчувственного. рацию - фокусируется в Логосе, терминологически закрепляется в Софии.

Разработка же другого ряда понятий, таких как энтузиазм, пафос, экстаз, фокусируется в Эросе, а терминологически закрепляется в филии.

Философия предстает как нераздельность, неразделенность и неразделимость Эроса и Логоса.

Философия жива своей двоичностью, включающей широкий диапазон смысловых сочетаний каждого из начал. Кроме смыслокорневой двойственности, необходимо указать на двойственность между системно-понятийным рядом и разноликостью эмоционально-образной и/или мистической подосновы. Эта двойственность придает философии как явлению особую энергичность, определяет историческую подвижность значения самого слова философия. Она выступает далеко не всегда в качестве научно значимого построения. В философии пленяет "либо энергия благородного мирозерцания, либо художественная гармонизация противоречивых идей, либо широта объемлющего мирозерцания, либо... творческая мощь связующей работы мысли" [6. 5].

Парадоксально, но факт, что, когда мы имеем дело с философом, раздвоенность и стремление к недостижимому обнаруживают ироничность и трагичность ситуации. Когда же "философия" приобретает однозначно выраженную определенность (в любом варианте), то торжествующая философема, чреватая однобокостью, вызывает и смех, и слезы, и опровержения. В своей завершенности она утрачивает свою эвристичность, жизненность, уподобляется омертвелому образованию. В этом - трагедия философии.

Литература

1. Адо П. Что такое античная философия? М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999.
2. Семушкин А.В. У истоков европейской рациональности. (Начало древнегреческой философии). М.: Интерпракс, 1996.
3. Эсхил. Трагедии/Пер. Вяч. Иванова. М.: Наука. 1989.
4. Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху. М.: REFL-book, 1994.
5. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа. "Языки русской культуры": 1996.
6. Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб.: Изд. Д.Е.Жуковского. 1904.

С. Г. Сычева (Томск)

Символизм философских категорий

На первый взгляд кажется, что универсум не разложим на категории. Да, он богаче и разнообразнее интеллектуальных структур, опутавших его паутиной разума. Но грех познания не истребим из человеческой природы, и вновь и вновь наша мысль пытается построить новые интеллектуальные структуры мира. Структуры категорий - наиболее общих понятий мышления.